

чью нору нечто инфернальное, а психологический саспенс усугубляется тем, что девочка в подземное царство уже однажды лазила, но, видимо, в таком бессознательном возрасте, что ничего из увиденного не помнит, и к тому же неправильно расслышала название Подземелья, приняв его за Страну чудес. Зато обитатели Подземелья запомнили слабослышащую малютку по предыдущему визиту, но теперь у них есть сомнения, что свалившаяся к ним теперь взрослая девица — та самая Алиса, и ей предстоит доказать свою состоятельность, улучшив политическое устройство тоталитарного Подземелья и превратив его все-таки в демократическую Страну чудес. Так что пришелица Алиса становится лучом света в темном царстве и, чуть ли не как Максим Каммерер на планете Саракш, борется с мракобесием и самодержавием, которое олицетворяет Красная Королева Червей (Хелена Бонем Картер с губами сердечком) — вздорная бабенка, угнетающая своих подданных. По мере своей освободительной деятельности Алиса заодно развивается как личность и укрепляет свое девичье самосознание, то

есть из робкой и застенчивой кисейной барышни становится более уверенной в себе оторвой. Помогают ей в этом видные деятели местной оппозиции, во главе которой стоит Безумный Шляпник — лучший друг и защитник Алисы (Джонни Депп понимает своего героя как трагическую фигуру с тяжелым прошлым и проблемами со здоровьем, вызванными профессиональным отравлением ртутью, — тут уж не Кэрролл, а какой-то Диккенс начинается). Еще один крупный диссидент — Мартовский Заяц, заработавший паранойю и другие психические неполадки на почве политической борьбы. На стороне добра находится и сестра Красной Королевы — Белая Королева (Энн Хэтуэй), пацифистка и вегетарианка. И наконец, Чеширский Кот, по идеологической сути своей конформист, не просто улыбается, а еще и пытается взять на себя полезные медицинские функции, например зализать раны Алисы, пострадавшей в очередной схватке со злом, которых в книжке Льюиса Кэрролла, строго говоря, нет, но без которых не обойтись в диснеевском фильме с его тягой к четкому разделению на плохих и хороших.

Очень страшная сказка НЕТ НИЧЕГО УЖАСНЕЕ ЧИСТОГО НОНСЕНСА Анна Наринская

В МОЕМ детстве «Алиса» существовала в двух видах — в виде большой синей книги с ключом на обложке и долгоиграющей пластинки в темном конверте. Мои ровесники и даже их родители наизусть знали многие песенки оттуда, например про попугая и про антиподов.

Песенки и мне очень нравились, хотя, помоему, я уже тогда чувствовала, что пластинка — она совершенно не про то. Кардинально не про то, про что книга.

Тут, конечно, нужно оговориться, что всем нам свойственно идеализировать и преувеличивать свои детские прорывы, но от того своего детского ощущения я отказываться не хочу — потому что с годами оно крепло и ширилось. Так что теперь я считаю, что создать аудио-, видео-, компьютерную — какую хотите — «адекватную» инсценировку «Алисы» почти невозможно. Потому что это было бы слишком страшно. Даже страшнее, чем в мало кому известной экранизации Яна Шванкмайера, которая, одна-единственная, да, похожа.

Обратимся к авторитетам — в статье «По обе стороны зеркала» (она была опубликована во «взрослом» издании «Алисы» в серии «Литпамятники»), сравнивающей Кэрролла и Андерсена и явно более симпатизирующей последнему, как сказочнику христианскому, Честертон называет Кэрролла поэтом «математических проекций» и «чистого нонсенса».

Именно чистота, даже стерильность этого нонсенса и делает из «Алисы» такой сильный и такой пугающий текст. Сравнить суд над Валетом, завершающий первую сказку, и «Процесс» Кафки — литературоведческая банальность. Но кошмар «Процесса» интеллектуально куда более комфортен — за ним стоят метафора жизни и всяческие бездны, то есть успокаивающая возможность думать. У Кэрролла же — «Сперва приговор, доказательство потом». Все. Теперь смейтесь.

Или вот это макабрическое место из диалога с Шалтай-Болтаем (целиком гениального): Алиса сообщает, что ей семь лет и шесть месяцев, ее собеседник сожалеет, что она «не остановилась на семи».

«— Все растут! Не могу же я одна не расти! — Одна, возможно, и не можешь, но вдвоем уже гораздо проще. Позвала бы кого-нибудь на помощь — и прикончила бы все это дело к семи годам». Это не просто черный юмор, свойственный столь близким Кэрроллу по духу лимерикам. Это отчаяние, принятое как данность, привычное до такой степени, что уже смешно.

Конечно, эта мрачность не прочитывается первым, детским чтением. Хотя, думаю, ни один ребенок не назовет «Алису» книжкой «уютной». Но чем чаще возвращаешься к ней потом, тем сильнее скребет на душе Чеширский Кот — одно из самых страшных созданий в истории литературы. И что бы ни говорили в связи с кэрролловскими текстами о викторианском культе ребенка, о свойственной тому времени вере в специфическую детскую мудрость, нет, вы все же покажите мне семилетнюю девочку, которая так бестрепетноотреагирует на появление говорящей «улыбки без кота». Единорог не зря называет Алису «сказочным чудовищем». И дело здесь не в простом перевертыше: она для него — то же, что он для нее, а в том, что это — очень страшная сказка.